Жарко!

Не так давно я бросил курить, но сейчас не выдержал и снова достал сигарету. Стоит солнцу подняться из-за горизонта, как жара, духота, от которых просто истекаешь потом, действуют на нервы. А дым от сигареты всегда меня успокаивал.

"Возможно, мы слишком долго не навещали его, — стоя рядом, Толстяк тоже закурил. — Ты же знаешь его характер. Мы слишком чисты и невинны, старик нас всегда обманывал."

"Тогда нам следует извиниться." Некоторое время назад мне казалось, что возможностей прийти сюда у меня не было. Но не уверен, что правильно понимаю слово "возможность". Должен ли я испытывать угрызения совести или просто порадоваться, что, наконец, пришел сюда?

По надгробию Паньцзы медленно ползли лучи восходящего солнца. Мне казалось, что я впервые вижу темные буквы, написанные на камне, хотя каждый штрих был написан мной лично. Это было давно, и красная краска на иероглифах уже немного облупилась.

Долгое время я не мог смириться с мыслью о том, что Паньцзы больше не будет рядом со мной. И только сейчас я полностью принял факт его смерти. Десять лет спустя его нет рядом, но я могу спокойно сидеть перед его надгробием.

Многие отчаянно желают избавиться от камня в душе, стать более человечными. Я же по собственному недомыслию за эти годы превратился в камень.

Толстяк высыпал перед надгробием бумажные деньги из мешка и поджег их, я достал несколько сигарет Байша(1) и положил поверх бумажных денег.

"Блять, гляжу, ты разбогател, раз даришь Большому Паню такие дорогие подарки", — заворчал Толстяк.

"Это больше для себя", — ответил я. Десять лет назад я обещал себе, что Паньцзы получит свои сигареты(2). А если третий дядя тоже там, внизу, вместе с ним, то, по моим оценкам они уже надрали задницу Ян-вану и ждут, когда я присоединюсь к ним, добившись славы и богатства. У меня уже есть задумки, как оправдать их ожидания.

Толстяк начал читать молитву перед надгробием Паньцзы, но мне давно известно, что он скажет в своей поминальной речи. Спустя столько лет мне было лень слушать это, но и сетовать на его многословие я не стал.

Через пятнадцать минут бумажные деньги сгорели. Поднявшись, мы с Толстяком переглянулись.

В волосах Толстяка проглядывала седина, но он все еще был силен и здоров, как бык. Я же слишком сильно изменился за это время.

В любом случае, невозможно, пережив то, что довелось мне, оставаться прежним.

"Пошли, пошли. Не прикидывайся слабачком! — Толстяк хлопнул меня по плечу. — Ты должен упорно трудиться и вернуть себе прежний настрой. Это в последний раз, и мы должны получить удовольствие от сделанной работы."

Покинув кладбище, мы направились к группе людей, разговаривавших по телефонам. Увидев нас, они вежливо поздоровались. Жестом я приказал отправляться в путь, и они сразу побежали к своим машинам.

На дороге нас ждала целая колонна машин, заполненных людьми. Я шел мимо них, меня приветствовали водители, мигая фарами, а пассажиры провожали восхищенными взглядами.

Спустя столько лет я все еще умудряюсь допускать ошибки. Такое количество машин вдоль дороги слишком заметно.

Я не могу припомнить всех, кто собрался здесь. Все, кто был рядом со мной, кто помогал мне в последние десять лет, сидели в этих машинах. Эти люди — то самое богатство, которое заработал молодой третий хозяин семьи У.

Мы с Толстяком сели в мой джип, и Я Цзе, сидевшая рядом с водителем, протянула мне рацию. Включив нужную частоту, я крикнул: "Все собравшиеся возле храма предков семьи У, дайте сигнал, скажите нашему мастеру Паньцзы: мы уходим!"

Заполняя горы и долины, сотрясая воздух и словно охватывая весь мир, раздались синхронные автомобильные гудки.

"Поехали. Проведем это лето в более прохладном месте." Я вернул рацию Я Цзе.

Моторы взревели, и Толстяк выглянул в окно. Мой телефон завибрировал: это сообщение из вичата Цветочка. Автоколонны из Пекина и Чанша уже выехали.

Я глубоко вздохнул и, стараясь оставаться бесстрастным, потер щеки.

Десять лет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/82870/2632093